

Вейхер Андрей Алексеевич
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
aveykher@hse.ru

Развитие методологии деятельностного подхода в социологии как междисциплинарного

Аннотация. Рассмотрено развитие концепции интеграции обществознания на базе методологии социологии как наиболее общей дисциплины за последние 100 лет, его философский базис на основе концепта Деятельность, имеющиеся предложения по созданию соответствующей методологии. Предложены методологические концепты (Субъекты-Субъектности, Взаимодействия, Обстоятельства, Стадиальности, Пространственности) и пути создания производных от них конструкторов первого уровня для моделирования взаимодействий людей, комплексно изучаемых разными дисциплинами обществознания. Уточнена теоретическая трактовка генезиса «свободы воли» общественного человека.

Ключевые слова: деятельностный подход; субъектности; взаимодействия; обстоятельства; стадиальности; интеграция обществознания; свобода воли

Veikher Andrei Alekseevich
National Research University «Higher School of Economics»,
Saint-Petersburg, Russian Federation
aveykher@hse.ru

Development of the methodology of the activity approach in sociology as an interdisciplinary one

Abstract. The development of the concept of social science integration based on the methodology of sociology as the most general discipline over the past 100 years, its philosophical basis based on the concept of Activity, and the available proposals for creating an appropriate methodology are discussed. Methodological concepts (Subjects-Subjectivity, Interaction, Circumstances, Stadiality, Spatiality) and ways of creating first-level constructs derived from them for modeling of human interactions that are comprehensively studied by different disciplines of social science are proposed. The theoretical interpretation of the genesis of "free will" of a public person is clarified.

Keywords: activity approach; subjectness; interactions; circumstances; stadiality; integration of social science; individual freedom

Из истории поиска теоретической и методологической базы интеграции

Первую современную разработку по объединению всех наук об обществе и человеке путем создания единой методологии изучения их предметов предпринял в начале XX века Вильфредо Парето (энциклопедист, инженер с математическим уклоном, экономист и социолог). В первом абзаце своего последнего произведения

«Компендиум по общей социологии», вышедшего 100 лет назад, он провозгласил программу интеграции всех дисциплин, исследующих человеческое общество, и предложил: «их синтезу, направленному на изучение человеческого общества вообще, можно дать имя социологии» [Парето, 2008: 13]. При этом он откладывал на будущее неизбежное обсуждение теоретических вопросов о том, «является ли социология автономной наукой» и т.п., а сосредоточился на исследовании «тех единообразий, какие демонстрируют социальные факты, и тех отношений, которые проявляются между этими фактами» (там же). Его методология включала нескольких исходных, элементарных связанных понятий, универсальных для описания-объяснения «фактов и отношений», относящихся к самым разным сферам жизнедеятельности, изучаемых самостоятельными научными дисциплинами. Междисциплинарный характер методологии подчеркивался новыми терминами (не используемыми имеющимися науками) и примерами описания взаимосвязей общественных субъектов по предметам, которые традиционно изучалась социальной психологией, экономикой, политологией, социологией и управлением.

Намеченная В.Парето программа с её максимализмом не получила сколько-нибудь серьёзного развития, в отличие от его экономических новаций, породивших научную школу его последователей. Масштабное намерения В. Парето разработать методологию для всех социальных логико-экспериментальных (особо важный у В.Парето термин) теорий и, возможно, дать такой науке название Социология до сих пор остаётся в тени¹. Доказательно объяснить это без изучения развития общественных наук в XX веке по методологии Р. Коллинза [Коллинз, 2002] невозможно. Реальным видится предположение, что отсутствие потребности в столь обобщающей методологии определялось наличием в основных общественных науках, включая социологию, больших возможностей расширения круга новых предметов и методов исследований, позволявших реализовывать научные амбиции с применением более локальных методологических новаций.

Тенденция к интеграции проявлялась в этот период в росте межотраслевого институционализма и в возникновении «совмещенных» дисциплин, для нашей темы, прежде всего, различных социологий – экономической, политической и др. В методологиях этих новых дисциплин имеются различные модификации методов «родительских» наук, создан категориальный аппарат, позволяющий ставить задачи и использовать результаты в контексте разных традиционных дисциплин.

Свой вклад в этот процесс без провозглашения создания всеобъемлющей Социологии внесли М. Вебер и Т. Парсонс как рассмотрением конкретных проблем, так и программными установками о перспективных направлениях развития теории.

¹ Так, в выступлениях на презентации издания «Компендиума...» на русском языке эта его программная нацеленность никем отмечена не была [Романовский 2015: 171–175].

М. Вебер сделал фундаментальный вывод о неизбежности противоречий после устранения частной собственности на средства производства и рабочую силу (т.е. в случае социализма) при рассмотрении возможных решений о распределении на разные цели прибавочного продукта, созданного коллективом за конкретный период [Вебер 2016: 116, 164]. Очевидной причиной такого противоречия становится, в данном случае, в различии продолжительности цикла воспроизводства общих средства производства и циклов изменения потребностей рабочих, т.е. различие в экономико-технологических и социальных сторонах воспроизводственного процесса, остающиеся и после снятия антагонистической формы собственности.

Через 40 с лишним лет после Вебера в 1964 году Т. Парсонс в статье «Новые тенденции в структурно-функциональной теории», отметил, «что... теперь [надо] вернуться к... проблемам, которыми интересовался Вебер,... со значительно более совершенной теоретической схемой, которая... будучи чрезвычайно обязанной ему, во многих аспектах ушла гораздо дальше Вебера». Так Т. Парсонс завершил статью, в середине которой написал, что «денежный механизм, включающий институционально обоснованную норму, которой он подчинен, и сложный комплекс контекстов отношений или рынков, в которых он действует, может считаться *одним* из наиболее важных механизмов, *интегрирующих* интересы единиц социальной системы. Такая *интеграция*. сложно включена во взаимодействие с другими факторами общей системы», а затем добавил, что «четыре главные области, в которых можно ожидать интереса... это социология экономики, социология политики, социология права и социального контроля и социология культуры, в особенности религии и науки» [Парсонс 2000: 655–660].

Тенденция создания «отраслевых» социологий в парах с большинством наук обществознания дала простой и явный повод трактовать будущее Социологии двояко: 1) как сбором под её методологическим зонтиком всего комплекса дисциплин об обществе на всех его уровнях от глобального и социетального до индивида в различных сообществах, для которых создаётся общий понятийный аппарат описания инициации и реализации взаимодействий субъектов всех уровней, включая иррациональные формы обоснования действий (идея В. Парето) и 2) как сужение её до рассмотрения образующих общество *homo sapiens* отношений, взаимодействий, в трактовке Б. Латура, «как *прослеживания связей* [субъектов]. В таком понимании прилагательное «социальное» обозначает... *тип связи* между вещами, которые сами по себе не являются социальными» (*курсив Латура*) [Латур 2014: 17]. При этом, на наш взгляд, методология в обоих случаях окажется схожей по отношению к методам фиксации и объяснения взаимодействий, с возможным расхождением в критериях необходимой полноты круга параметров, описывающих изучаемые объекты.

Построение интеграционной методологии обществознания продвигалось в последние полвека работами философов, социологов, психологов, экономистов, ученых сопряженных дисциплин, которые рассматривали Практики, Деятельности,

Активности как формы воспроизводства и развития общественных феноменов, но в большинстве своем не ставили перед собой задачи интеграционной направленности. Большим препятствием в этом движении были и остаются разночтения в понимании идентичности или специфичности общеупотребимых понятий Социологического и Социального, Объекта и Субъекта, Общества и Сообществ, усугубляемые неоднозначностью их переводов и, соответственно, использования даже в Европе.

Зачинателем этапа активизации использования деятельностных категорий часто называют П. Бурдьё с его книгой «Эскиз теории практики», активизировавшей обращение к опыту, к Практикам как источнику теорий, использование понятий Деятельности и Активности как социологических концептов наиболее общих для осмысления человека – агента Практик. Трактовка Практики П. Бурдьё оказывалась преодолением раскола между объективизмом (в форме структурного функционализма и системного подхода) и субъективизмом (в форме феноменологии и этнометодологии). На уровне обобщающих теорий следовавшие за этим известные труды Э. Гидденса (1984), А. Турена (1984), М. Арчер (1995), П. Штомпки (2002) в разных формах (теории структурирования, возвращения субъекта, концептов центрирующего слияния, совместного возникновения, действующих людей, социального становления и др.) осуществляли конвергенцию макро и микро подходов, включая в качестве причины развития различные активности индивида.

В этот же период, а частично и ранее, в СССР и России развивали деятельностный подход психологи (Л. Выготский, А. Леонтьев, С. Рубинштейн, Б. Ананьев), социологи (И. Кон, В. Ядов) и ряд философов, один из которых – М. Каган (1974; 1988; 1997; 2000), – наиболее системно, опираясь на результаты изысканий названных авторов и коллег-философов, разрабатывал общеприкладную теорию человеческой деятельности.

Понимая Деятельность предельно общо – как реальное содержание бытия общества во всех его частях и формах, и дедуктивно конструируя на основе этой посылки понятия, отражающие структуру человеческой деятельности, М. Каган тщательно подбирал для них возможно более универсальные термины, описывающие любую деятельность и её элементы, во всех сферах и на всех уровнях функционирования общества. Для наиболее генерализующих понятий он привлек новые для корпуса философских терминов вокабулы. Фундаментальным стало введение термина *homo agens*, который «интегрирует все вышеприведенные [семь терминов с первым словом *homo* – авт.], вскрывая односторонность каждого из них и потому его правильность и неправильность в одно и то же время» [Каган, 1974: 5]. Позднее, после снятия идеологических ограничений, М. Каган логично написал, что «деятельность и... превратила нашего животного предка в человека, – именно деятельность, а не труд, как упрощенно трактовал этот процесс Ф. Энгельс, ибо труд является лишь одной из форм деятельности» [Каган, 1997: 20]. Однако, эти новации остались на стадии упорядочения связей содержания концептов высоко уровня

абстракции, без перехода к выработке конструктов, позволяющих описывать особенности конкретных, эмпирически наблюдаемых субъектов и объектов деятельности.

В настоящее время сохраняется разрыв между теоретическим базисом интеграции дисциплин общественнознания на основе универсализации Деятельности как исходного концепта интегративного подхода и разработкой адекватного методологического аппарата, позволяющего получать соответствующую эмпирическую картину функционирования и развития общества. Названные выше инициаторы разных вариантов деятельностного подхода², предложив варианты интеграции ранее противоположных парадигм (структур и акторов-агентов, макро и микро), не доводили свои разработки до методического уровня. Э. Гидденс прямо писал, что теория структуризации не должна рассматриваться как база эмпирических исследований. Позднее П. Штомпка, выбрав для своей теории Социального Становления (Social Becoming) исходный концепт События (Events), просто дополнил его указанием на несколько понятий, позволяющих описать его (praxis, agency, history, becoming) по трём полярным осям, заключив, что с помощью этого аппарата можно описать, в равной мере, такие События как съедение завтрака, так и объявление войны [Sztompka 1991: 274–277].

Активно продвигавший деятельностный подход в России В. Ядов, в 2009 году назвал в одном из докладов трудности эмпирического применения этого подхода главной проблемой его развития, а в коллективной работе под его руководством (Как люди делают себя... 2010) были уже представлены методические решения для исследования в логике деятельностного подхода, оперирующего концептами разных парадигм: от «социальный ресурс агента» из активистских теорий до «практик» и «социальных норм», вкупе с фреймами И. Гофмана. Однако согласование методов, взятых из разных парадигм, не пошло дальше общей практики mixed methods, без специального рассмотрения возможных оснований их взаимоувязки в методологических принципах деятельностного подхода.

С 70-х годов поиск методологических решений интегративного типа, опять-таки, чаще без специальной постановки задач интеграционной направленности, шёл в двух массовых направлениях. Одно из них имело преимущественно социологическую привязку – объединение количественных и качественных методов, получивших выразительное наименование mixed methods. Его более широкое, чем социология, поле применения становилось особенно явным при обращении к данным, собранным согласно Grounded theory, где понятиями социологии могли становиться слова, термины, которыми пользуются в определенных отраслевых, профессиональных,

² Это название имеет адекватный перевод на английский язык, тогда как В.Ядов часто использовал название деятельностно-активистский подход (ДАП), которое трудно было перевести за пределами славяноязычных стран, хотя оно удачно выражало необходимость поддержания его двуединства, которое отграничивает ДАП от других разнообразных подходов в изучении деятельности и активности .

культурных и других группах, несущие смыслы, характеризующие отношения, изучаемые разными социальными дисциплинами. В обзоре 2015 года о состоянии исследований этого типа уже в первой фразе текста как само уже разумеющееся говорится о «дуалистической природе методологии *социальных* (выделено мной – А. В.) наук» [Полухина, Просянюк, 2015: 309], что свидетельствует об общепринятой мультидисциплинарности поля применения «Q/Q» подхода.

Второе направление было начато в США как движение «Социальные индикаторы», затем были разработаны индексы ООН как инструмент оценки разных странах – членов ООН по показателям несоизмеримых качеств, объединяемых в общий показатель с единой шкалой. К настоящему времени имеются и создаются многие тысячи индексов, связь которых с их названием и содержанием ситуации, которую они должны характеризовать, нередко бывает трудно неоспоримо объяснить. Исследования, проведенные в 1975–1981 годах в Институте социально-экономических проблем АН СССР по созданию оценок социально-экономических эффектов НТР [Общественное развитие... 1982: 64–66] показали, что подобные оценки могут быть получены только при значительном числе ограничений ситуации, среди которых: указания субъектов (как минимум, определенных социальных групп), для которых изменение за определенный период времени и является основанием признания таковых изменений благом (или бедой) и интервалов изменения основных оцениваемых параметров, выход за которые меняет их значимость для обобщенной оценки³. При этом выводы о принципиальной несоизмеримости критериев изменений в социальной, экономической и экологической сферах с некоторой осторожностью в формулировках удалось поместить в указанную монографию. Вывод же о том, что изменения значения любого индекса, простого (сумма относительных значений одномерных показателей) или сложного (с субиндексами и взвешиванием первичных показателей), всегда оказываются по-разному увязаны с интересами разных частей общества или сообществ, были исключены из верстки текста по соображениям идеологического характера. Между тем, для интегративной методологии последний вывод имеет принципиальное значение, потому что становится основанием ввода правила поиска различий влияние любого фактора на интересы разных субъектов.

Предложения по созданию исходных концептов

Собранный материал и обоснование его отбора. Исследования, в которых изучаются общественные Действия, Деятельности различных индивидов и организаций, относятся к множеству научных дисциплин – от философских, близких к синкретизму прошлых веков, до сегодняшних поведенческой экономики и

³ В математическое обоснование многофакторной модели с системой ограничений большой вклад внес в ходе неформальных обсуждений Н.Н.Воробьев, основатель советской школы в области теории игр. В 1975–85 гг. он заведовал математическим отделом ИСЭП.

энактивизма. Для выявления имеющейся практики использования деятельностного подхода в российских научных публикациях нами были рассмотрены около 75⁴ статей и монографий, имеющих в eLibrary в разделах общественных наук за период 2010–2019 гг. по запросу «деятельностно-активистский подход». Из них максимум треть отнесена собственно к социологии, а остальные (в порядке от большего к меньшему) к экономике, политологии, народному образованию, государству и праву, психологии, философии, организации и управлению. При этом в значительной части «несоциологических» публикаций рассматриваются или упоминаются данные, полученные различными опросными методами, которые авторы – не социологи, – зачастую называют социологическими. Более того, если формально к специализации «организация и управление» отнесены только 3 публикации, то по существу большая часть «отраслевых» исследований рассматривает процессы и явления, которые управляются недостаточно результативно или нуждаются, по мнению авторов, в организации управления ими.

За 10 лет, в течение которых появились эти публикации, произошло расширение круга общественных явлений и процессов, изучаемых на основе деятельностного подхода как методологической базы. Однако, прежде чем предложить исходные концепты деятельностного подхода, соответствующие этой тенденции, необходимо сделать принципиальное замечание о возможных вариантах оценки релевантности данных, получаемых по этой методологии. Теория, моделирующая онтологически выделяемые процессы, является эпистемологически полноценно сформированной, если она включает осознание границ её приложения. Обычно такие границы определяются как набор параметров, описывающих изучаемые явления и процессы, качественной и количественной стабильностью диапазонов их разнообразия, необходимой для решения предсказательных задач, решаемых данной моделью, чему в опросной социологии соответствует присловье «Я отвечаю за полученные результаты с точностью до формулировки заданных вопросов и вариантов ответов». Сознательная ориентация исследований в деятельностном подходе на вовлечение в круг исследуемых отношений, взаимодействий возможно более полного круга связей, предполагает, что здесь исследователь должен выделить зону обследования, выдвигая гипотезы о слабом влиянии отсекаемых отношений, субъектов, ситуаций. Поэтому предлагается разрабатывать описания границ приложимости деятельностного подхода двух типов: 1) изнутри – как состава исходных концептов и их начальных операционализаций, общих для всего круга используемых дисциплин и описывающих многообразие реально зафиксированных и возможных ситуаций жизнедеятельности, и 2) извне – как рассмотрения тех же ситуаций различными дисциплинами и выявления в их общих или частных моделях значимых феноменов, не встраивающихся в

⁴ Способ отнесения публикаций к той или иной научной дисциплине в eLibrary не позволяет называть их точное число, т.к. одна и та же публикация появляется по запросам в разных отраслях общественности.

конструкты, создаваемые работой первого типа. Работа второго типа обычно делается критиками теорий, а не авторами, но в проектах деятельностного подхода привлечение специалистов ряда дисциплин позволяет выявлять внешние ограничения одновременно с внутренним наполнением.

Применительно к нашему исследованию, по первому критерию, отбирались источники, которые относятся к задачам управления, в которых становится правилом доведение объяснительных моделей до уровня действий / поведения индивидов, для чего необходимо привлечение социологии и психологии. Поэтому по второму варианту, рассмотрев варианты широко понимаемого управления, автор ограничился в исследовании рассмотрением уже имеющегося опыта в публикациях двух типов: тех, в которых, так или иначе, имелась управленческая направленность и собственно теоретико-методологических по деятельностному подходу.

Методы, примененные в рассмотренных исследованиях деятельностного подхода, соответствуют стадии развития самой теории, которая уже во многом осуществила интеграцию парадигм макро и микро уровня, позволяющую работать с mixed-methods. В настоящее время намечается переход на следующую ступень – синтеза, т.е. создания логических, терминологических, элементов теории и методики, которые позволят мультидисциплинарно описывать динамику общественных систем, стимулируемую её противоречиями, субъектов и формы их разрешения при простом воспроизводстве (актуальной деятельности, имеющей предшествующие процессы и события, которые в значительной своей части должны произойти вновь) и накоплении инноваций-девиаций с переходами количественных изменений в качественные и наоборот.

Качественное обобщение ситуаций, к которым был применен деятельностный подход. Обобщение различных вариантов применения деятельностного подхода выявило такой перечень аспектов жизнедеятельности⁵ и деятельности в социуме homo agens:

1) Существование Общества и Сообществ – это онтологическая совокупность деятельностей-взаимодействий, входящих в них субъектов–индивидов (actors) в сложившихся исторически Обстоятельствах – ресурсных (природных и культурных) и отношенческих (правилах взаимодействий субъектов).

2) Деятельности специализированы как по сообществам и институтам, образующим многоуровневую сеть субъектов–структур (agents), так и внутри них

3) Субъекты-структуры как целостности имеет потребности и интересы, вытекающие из цели продолжения существования, частично совпадающие, а частично

⁵ По иерархии форм активностей, предложенной М.Каганом, «жизнедеятельность» характеризует активность биоты [Каган, 1974: 41], в т.ч. и людей, как части взаимодействий в биосфере, остающейся непрременной средой существования Homo sapiens – единственного уцелевшего вида из рода Homo.

эмерджентные по отношению к интересам и потребностям включенных в их состав субъектов–индивидов.

4) Реальные действия по удовлетворению потребностей и интересов субъектов-структур – воздействия на других субъектов, – совершают субъекты-индивиды, чьи собственные интересы в той или иной мере отклоняют содержание этих действий от строгого соответствия эмерджентным потребностям и интересам сообществ и институтов.

5) Общество и Сообщества изменяются (при необратимости изменений – можно сказать, развиваются) в результате активности субъектов-индивидов, сознательно нарушающих рутинность деятельности, имеющиеся правила и нормы в результате осознания ими противоречий интересов, как личных, так и тех сообществ, к которыми они, так или иначе, принадлежат.

Применительно к так рассматриваемым реальностям общественной жизни на настоящем этапе развития эмпирических исследований деятельностного подхода наметилась исходная триада исходных концептов для построения конструкторов и признаков её описания: Субъекты (actors, agents) – Субъектности, Взаимодействия (interactions) и Обстоятельства⁶ (circumstances). Процессуальность любой деятельности делает непременной при разворачивании всех трёх концептов временную характеристику. По наиболее частым определениям значений используемых при операционализации признаков можно обобщить эти характеристики как концепты Стадиальности (stadiality). В ряде исследований имеют место характеристики пространственного размещения изучаемых субъектов, объектов и предметов деятельности, обстоятельств. Эта сторона деятельности обобщается концептом Пространственности (spatiality).

Логика соединения производных от этих концептов конструкторов и понятий имеет своей основой логику акторно-сетевого подхода⁷, распространяемую на многообразия научных дисциплин, включаемых в исследования деятельностного подхода. Их денотаты описываются как элементы сети и могут быть как материальными, так и нематериальными.

Автор полагает, что указанные пять концептов образуют на данном этапе развития деятельностного подхода пять непременных, универсальных осей описания существования общества, сообществ, индивидов. На этих осях и между ними разворачивается сеть конструкторов, индикаторов, показателей, признаков, их качественных и количественных шкал, позволяющих описать реальную сеть денотатов. Подробность детализации эмпирических денотатов будет, естественно, очень различной, в зависимости от проблем конкретных сообществ, непосредственно

⁶Примененное, как считается, впервые К. Марксом: «Люди сами делают свою историю... при обстоятельствах, которые не сами они выбрали» – [Маркс, Энгельс, 1957: 119].

⁷Примененная первоначально Б. Латуром для более узкой сферы акторно-сетевая теория органична для деятельностного подхода вообще.

или через цепь гносеологических обобщений и абстрагирований, побудивших исследовать соответствующие совокупности жизненных ситуаций.

От концептов к конструктам первого уровня. Данный этап является особо сложным, т.к. конструкты этого уровня должны стать той сетью понятий, которые, будучи единообразно функциональны, должны предоставлять различным дисциплинам возможность наполнять их специфическим содержанием. Академик В. М. Полтерович, являющийся давним и активным участником интеграции социальных дисциплин, автором концепции Общего Социального Анализа, отвергая обвинения в экономическом империализме, писал: «Экономисты были бы рады прямо воспользоваться результатами других дисциплин, но оказалось, что подходящие конструкции отсутствуют» [Полтерович, 2011: 104]. Разработка таких конструкций – дело специалистов, одинаково свободно владеющих несколькими специальностями, или групп представителей разных специальностей с повышенной контактностью.

Операционализация концепта Субъекты. Сам по себе концепт Субъекты может быть операционализирован только как требование моделировать любой фрагмент общественного процесса с включением множества взаимодействующих субъектов. Во второй половине XX века философами было показано, что в модели человеческой деятельности не может быть менее трёх субъектов и, хотя бы один из них имеет предметом своего участия в общей деятельности оценивание отношений между двумя другими субъектами и воздействие на эти отношения. Соответственно, для указанной выше предметной области методология деятельностного подхода начинается с положения о выявлении в фиксируемых ситуациях минимум трёх субъектов (или их типов), в том числе с наличием хотя бы у одного из них интереса к наличию, поддержанию или изменению взаимодействия пары других субъектов.

Понятие Субъекты в науках, изучающих разные сферы общества, почти всегда сопровождается словом, указывающим особенности содержания, направленности активности (субъекты познания, права, экономики, истории, власти и т.п.), без которого нельзя найти эмпирически фиксируемых ситуаций. Поэтому логично в науках о человеке и обществе, особенно, в психологии⁸, появление и активное использование понятия Субъектность, позволяющего перейти от Субъекта как целостности к разнообразию его проявлений в деятельности как по направленностям, так и по интенсивности⁹. Эпистемологически это понятие можно считать и концептом второго уровня (значительная интуитивность в понимании содержания), и конструктом первой ступени (в случае релевантно выделяемой при наблюдении специфичной деятельности).

⁸ В российской литературе особо основательна, на наш взгляд, разработка Д. А. Леонтьева [Леонтьев, 2010: 148].

⁹ Особенности применения и восприятия адекватных английских терминов Agency, Subjectness, Subjectivity показывают, что неоднозначность понимания Субъектности в русских текстах – явление общенаучное, позволяющее использовать его и как концепт второго уровня, и как операционализированный конструкт.

Содержание и подробность операционализации Субъектностей может сильно отличаться в зависимости от задачи их изучения. Кроме содержания (объектов воздействия и характеристик их преобразования), в неё, как минимум, входят характеристики потребностей и интересов субъекта, побуждающих соответствующую деятельность, наличие ресурсов личностных и внешних, круг и типы субъектов, взаимодействие с которыми составляет социальную сторону этой деятельности. (Строгостью отличия этих элементов от параметров операционализации трёх других концептов в начале пренебрегаем. В большинстве реальных исследований пока не удается собирать данные по значительной части параметров, подлежащих фиксации на основе знаний, накопленных дисциплинами, пул которых применяется для решения исследовательской задачи. Это делает целесообразным ограничение сферы релевантности результатов по второму типу (см. выше).

Последовательное применение принципа множественности Субъектностей у каждого Субъекта даёт новые объяснительные возможности деятельностного подхода в моделировании деятельности индивидов, сообществ, систем управления в них.

Разные субъектности индивидов, личностей (actors) являются формой осуществления множества их общественных отношений и отношений к различным объектам и явлениям среды обитания. Признание сообществ, коллективов, институтов Субъектами-agents, даёт основание рассматривать те роли, которые человек выполняет в силу принадлежности к ним, субъектностями особого рода. Их направленность определяется потребностями воспроизводства сообщества как целостности, а процесс реализации имеет модификации, определяемые субъектностями уровня actor. Такая многоуровневость формирования поведения согласуется с диспозиционной концепцией регуляции социального поведения личности В. А. Ядова [Ядов, 1975], однако не предполагает полного доминирования субъектностей принадлежности к сообществам над индивидуальными субъектностями.

Противоречия Субъектностей – ограничения их реализаций. Различные субъектности, как разноуровневые, так и рядоположенные, могут противоречить друг другу по образующим их интересам, конкурировать за время и другие ресурсы, доступные Субъекту. Это специфически ограничивает возможность проявления такого важного свойства субъектности как «свобода воли» в его наиболее распространенной психологической трактовке, т.е. как возможность для Субъектов совершать «...инициации, изменения или прекращения...своей деятельности в любой точке её протекания» и как «возможность преодоления всех форм и видов детерминации активности личности, внешних по отношению к действующему экзистенциальному Я» [Леонтьев, 2000: 36].

Сама необходимость нового (иного, отклоняющегося) поведения, существенно отличающегося от имеющихся практик, возникает на уровне Субъекта из конфликтов разных его субъектностей, стоящих за ними потребностей и интересов. Ими могут быть и нехватка ресурсов для полноценной реализации разных субъектностей, и

потребность в особости, значимом отличии от других, ставшая (особенно в современном обществе) культурной нормой, и многое другое. Выходом из подобных конфликтов в любом случае будет нарушение практик, имеющих субъектностей и синтез из их компонентов новой субъектности, деятельность по которой будет новацией. Аналогично в материальном мире синтез объектов с новыми качествами осуществляется как ранее не существовавшая комбинация уже имеющихся компонентов этого мира. В этом смысле круг возможностей определен существующими компонентами и их совместимостью в новых комбинациях, которую можно уподобить жизнеспособности мутаций. Как и в мутагенезе, полная картина всех параметров и их связей, определяющих ожидаемый результат решения, недоступна Субъектам. В рациональной по предположению схеме обоснования соответствующего нового решения, неизбежно присутствуют ряд допущений о рассматриваемых причинно-следственных связях, которые не могут быть проверены на релевантность. Свобода Субъектов в принятии решений в нетривиальных ситуациях начинается с создания умственных допущений (воображения) возможности связей между компонентами, которые ранее полагались несовместимыми. Культурными предпосылками возникновения таких допущений являются: 1) принцип всеобщей связи, в разных формах присутствующий у разных цивилизаций с древних времен, 2) наличие особых типов личности Субъектов с повышенным вниманием к опыту и практикам отклонений от доминирующих типов явлений и действий (эволюционно идущим от дифференциации внутри популяций по степени и типу поисковой активности).

Свобода решений и выборов как проявление субъектностей не может рассматриваться в деятельностном подходе без фиксации результатов их осуществления. Продолжая аналогии с мутагенезом можно предположить, что значительная, если не большая, часть вновь возникающих субъектностей не закрепляются в жизнедеятельности создающих их Субъектов, поскольку подавляются Субъектами, чьи интересы они задевают при попытках реализовать новационную субъектность. Заметим, что этим же ограничивается сфера действия «теоремы Томаса». Осознание опыта поражений, обусловленных неадекватностью представлений Субъекта о реальности, создает во многих видах деятельности соответствующие механизмы недоверия своим представлениям, опасения рисков активности, выходящей за рамки устоявшихся правил действий. Оценка тенденций роли «свободных решений» на уровне сообществ имеет, поэтому, минимум две версии: 1) по восприятию самим субъектом и его окружением частоты и значимости¹⁰ «свободных» (возможно – новационных) решений, которые принимаются им самостоятельно или в коллективной структуре, и 2) части, доли «свободных» решений, которые были реализованы с достижением ожидаемого результата.

¹⁰ Значимость тоже имеет несколько критериев оценивания.

Для рассматриваемой предметной области множественность и возможная противоречивость субъектностей становится базой для снятия альтернативности в изучении формальных – неформальных отношений, интересов институций – интересов малых групп и индивидов, конфликтующих интересов, критериев успешности эволюции совокупности и её частей. По каждой из этих изначально биполярных осей возникает несколько качественно различных состояний, образующихся как варианты форм взаимодействия Субъектов, описываемых как акторы-узлы социальной сети.

Методически взаимодействие субъектностей чаще всего фиксируется при обсуждении с респондентами стадий принятых ими решений. Замечено, что негативные аспекты принимаемого решения для других своих ролей и статусов Субъекта ощущаются и признаются ими чаще, чем позитивные. При конкретизации же оценки в ответах на детализирующие вопросы: «А какие у этого решения слабые, неудачные стороны? и «А какие у этого решения есть сильные, удачные стороны?», – ответы бывают более полными для позитивных аспектов.

Операционализация концепта Взаимодействия. Разнообразие вариантов понимания взаимодействия в разных общественных дисциплинах и философии велико. Даже если сузить круг вариантов теми дисциплинами, которые могут включаться в применении деятельностного подхода к сфере управления, то варианты операционализации будут терминологически и по подробности шкал весьма разнообразны. Кратко можно указать лишь несколько параметров описания взаимодействия, которые определяются необходимостью согласования с формами операционализации других концептов.

Прежде всего, любое действие Субъекта предполагает выявление других Субъектов, с которыми оно превращается во взаимодействия. Методология их рассмотрения в деятельностном подходе основывается на развитии веберовского понимания социальности действия.

Исследователь, обращаясь к конкретному сообществу, в которое входит сеть Субъектов, связанных отношениями управления, имеет предварительную информацию о составе этой сети и определенной части их воздействий друг на друга. Формы взаимодействия могут быть разными по механизмам передачи воздействий от простых (напр., субъект-субъектного общения в одном языке) до сложно опосредуемых изменениями материальных объектов в цепочке действий или бездействий¹¹ других Субъектов.

Первыми задачами построения нужной модели по деятельностному подходу оказываются: 1) проверка полноты круга Субъектов, которые реально охвачены действиями по осуществлению основных функций (проявлению субъектностей),

¹¹ Отказ от действия может быть принципиальной, революционной новацией в цепи устойчиво происходивших циклов воспроизводства социальной системы.

2) проверка для уточненного круга Субъектов наличия связей между ними по иным субъектностям, не вытекающим из основных функций, 3) выявление продолжительности циклов взаимодействий «действие субъекта-1 – опосредующие его превращения в воздействие на субъектов-2...N – ответные действия субъектов-2...N – опосредующие их превращения в воздействие на субъекта-1 – восприятие ответных действий субъектом-1» и основных стадий этих циклов. Последнее важно для оценки возможных колебаний массовости и интенсивности взаимодействий Субъектов, поскольку обследование (наблюдение) редко длится долго и чаще фиксирует их на одной из стадий цикла.

Сформированная модель сети взаимодействий оказывается оценкой валидности результатов исследования, первым приближением определения круга общественных систем, жизнедеятельность которых оно объясняет, по критерию первого типа – изнутри (см. первую страницу тезисов).

Операционализация концепта Обстоятельства. Широта и разнородность круга параметров ситуаций, которые могут быть отнесены к Обстоятельствам, позволяет в первом приближении предложить только два направления их операционализации. Первое – разделение на ресурсные и институциональные. Второе – изменяемые и неизменяемые воздействиями того или иного субъекта, входящего в сформированную сеть, и изменяющиеся независимо от Субъектов, доступных выявлению исследованием.

Нацеленность на выявление Субъектностей, которые проявляются как изменения Обстоятельств жизнедеятельности широкого круга Субъектов, позволяет избавиться от широко распространенных безличных (в т.ч. в филологическом смысле) формулировок объяснения причин изменений, каковыми являются формулировки типа «современное общество требует», «необходимы изменения» и т.п.

Операционализация концепта Стадиальность. Стадиальность в деятельностном подходе при изучении процессов управления операционализуется, в основном, по двум из известных трёх вариантов разворачивания событий во времени: 1) истинный цикл (замкнутая последовательно обусловленная цепь событий, где в каждом звене может возникнуть изменение, провоцирующее изменения последующих) и 2) разомкнутый (псевдо) цикл (последовательно обусловленная цепь событий, состояний, реализующаяся однократно, имеющая начало и конец).

Выбор варианта обуславливается целью исследования: первый вариант применяется при изучении динамики процессов управления, включающих последовательность решений, корректируемых по результатам исполнения ранее принятых решений и изменения обстоятельств деятельности; второму варианту соответствует изучение влияния разных факторов на организацию управления на основе совокупности кейсов одного цикла управления – от ситуации появления потребности в принятии решения до получения результата и оценки его соответствия решению. Выбор для описания продолжительности периода и стадий деятельности при

этом, естественно, определяется предметом деятельности и заранее известными циклами значимых обстоятельств. Необходимым для большей части исследований представляется учет стадий состояний и возможных изменений личностных Субъектностей Субъектов-actors (в первую очередь, руководителей разных уровней) и демографических, этнических, социальных структур Субъектов-agents (сообществ, коллективов, институтов).

Операционализация концепта Пространственность. Разнообразие форм и содержания деятельности людей в зависимости от размещения в пространстве Земли, страны, поселения, общественного здания или локального жилого помещения делает междисциплинарным любое исследование, включающее этот аспект жизни в поле внимания исследователя. Высоко профессиональная «попытка представить основные теоретические принципы социологии пространства» [Филиппов, 2009: 3] видится автору сильным аргументом такого утверждения.

Методически это означает, прежде всего, более множественное, чем по другим концептам, перекрестное использование понятий. Так, расстояние от дома до работы современный горожанин часто оценит временем – «полчаса пешком», а просторность жилой комнаты с учётом насыщенности мебелью оценит образом возможного действия – «танцы устраивать можно».

Для выявления и объяснения фактических и нормативных значений пространственных аспектов жизнедеятельности необходимы инструменты исследований, выявляющие связи параметров описания деятельности субъектов-agents, организующих пространство, в сопоставлении с деятельностями субъектов-actors по этим же пространствам, объектам. Самой сложной в настоящее время задачей для исследований, нацеленных на управление процессами со значительной дифференцирующим влиянием пространственного размещения субъектов, на наш взгляд, является построение моделей изменений «пространственного Я» в разрезе возрастных когорт и территорий расселения на стадии предшествующих 10–15 лет с выделением противоположных тенденций.

Проблемы применения предлагаемой методологии

Избыточность информации, которая может быть привлечена из разных дисциплин для описания интересующих исследователя ситуаций, создает дополнительные трудности. Ограничения по возможностям её сбора и обработки делают особо важным уже на стадии планирования исследования введение критериев приемлемого огрубления описания разных элементов ситуаций и минимально необходимой надежности ожидаемых результатов. При выпадении из круга доступных для наблюдения признаков каких-либо известных по прежним опытам и исследованиям компонентов описания изучаемой ситуации, целесообразным будет составление их перечня с указанием возможных их состояний в обследуемой совокупности, в т.ч. пределов колебания для количественных признаков.

Практическая невозможность охвата значительной части известных параметров описания совокупности Обстоятельств и Стадий жизнедеятельности Субъектов, о ретроспективе и современном состоянии которых собираются данные, предполагает составление перечня наиболее значимых, по мнению участников проектов из разных дисциплин, для темы исследования. Такой перечень становится оценкой валидности результатов исследования, уточнением круга общественных систем, жизнедеятельность которых оно может объяснять, по критерию второго типа – извне.

Неизбежным при мультидисциплинарности исследований является использование различных терминов и шкал для описания одних и тех же объектов, субъектов, отношений, которые присущи онтологии разных сфер жизнедеятельности (экономике, праву, психологии, политологии, менеджменту и другим, вплоть до этнологии). Представление результатов исследований также приходится делать в разной терминологии, чтобы ими могли адекватно пользоваться в различных сферах. Эта задача предполагает формирование тезаурусов для исследований в деятельностном подходе как словарей, включающих ряды, а, возможно, и сети взаимосвязей терминов, особенно синонимичных, из разных сфер и дисциплин, их изучающих.

Повышение надежности распространения результатов исследований проблем управления на объекты, схожие с исследованными, требует изучения проблемы допустимых, компенсируемых с позиции органов управления различий между обследованными кейсами и объектами, которые во многом, но не во всем, схожи с изученными. Иными словами, насколько управленцы, зная о различиях обследованных и своих объектов, а так же о параметрах, которые исследованием не были учтены, могут оценить возможность действовать на основании полученных результатов с применением дополнительных решений, направленных на устранение проблем, возможных из-за неполного совпадения параметров ситуации.

Для развития теории деятельностного подхода первоочередным является построение моделей формирования и реализации эмерджентных интересов субъектов-сообществ (agents) через действия субъектов-индивидов (actors). Прикладные исследования этой области прямо входят в сферу социологии управления, политологии и тех областей общественнознания, которые изучают процессы в сообществах, группах, коллективах, изменения структур проявления интересов, форм их согласования в разных культурах.

Библиографический список

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. I. Социология. М: ИД ВШЭ, 2016. 445 с.

Каган М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М., Политиздат, 1974. 328 с.

Каган М. С. Эстетика как философская наука [Электронный ресурс] СПб. Петрополис. 1997 // Studopedia: [веб-сайт]. URL: https://studopedia.ru/8_90442_Homo-agens--chelovek-deyatelniy.html (дата обращения: 01/07/2020).

Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / Под общ. ред. В.А. Ядова, Е. Н. Даниловой, К. Клеман. М: Логос, 2010. С. 388.

Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2002. 1284 с.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М: ИД ВШЭ, 2014. 384 с.

Леонтьев Д. А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности. // Психологический журнал. Том 21, № , 2000. С.15–25.

Леонтьев Д. А. Что дает психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 25. № 3. С.135–153.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. – по изданию Маркс К., Энгельс Ф. , соч., т. 8, М: Госполитиздат. 1957. С. 115–217.

Общественное развитие и НТР. Колл. монография, ред. И. И. Лейман. Гл. III “Научно-технический и социально-экономический прогресс”. Л.: ЛО «Наука». 1982.

Парето В. Компендиум по общей социологии. М. Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2008. 576 с.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.

Полтерович В. М. Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С.101–111.

Полухина Е. В., Просянюк Д. В. Глава-Исследования со "смешанными" методами (mixed methods research): интеграция количественного и качественного подхода // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Вып. 5: Методы изучения взаимозависимостей в обществоведении. М.: Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 2015. С. 309–318.

Романовский Н. В. Выход в свет перевода «Компендиума» В. Парето: некоторые социологические размышления на фоне презентации // Социологический журнал. 2008. № 2. С. 171–175.

Филиппов А. Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 103–115.

Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 89–105.

Sztompka P. *Society in Action: The Theory of Social Becoming*, Polity Press, Cambridge, and The University of Chicago Press. 1991.